L4D4O

УГОЛЬ. ЛАЗУРНЫЙ ЦИКЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

L4D4O

Уголь. Лазурный цикл

«Автор»
2026

L4D4O

Уголь. Лазурный цикл / L4D4O — «Автор», 2026

Лазурный цикл: Выход за рамки материального мира. Действие переносится во внутренние миры персонажей, открываются временные порталы, а география расширяется до мистических зон Shadowland и бесконечного 8-Island.В центре этой зыбкой, переписываемой реальности находится Нора. Она не является классической героиней-спасительницей, но именно ее глазами читатель видит весь масштаб катастрофы. Главная цель Норы — обретение и сохранение собственной идентичности в мире, где само прошлое нестабильно, а слои времени накладываются друг на друга. Вокруг нее существуют роботы, мутанты, тени и гибриды, также ищущие свое место в планах Угля.Финал книги: Пройдя через все круги перезагрузок, хаоса, пространственных аномалий и столкновений эпох, Нора возвращается к своим корням.

© L4D4O, 2026
© Автор, 2026

L4D4O
Уголь. Лазурный цикл

Часть первая

Пролог.

Шурик

— ...и когда меня спросят на смертном одре: «Жалеешь ли ты о чём-нибудь, Александр Фокс?» Я отвечу: «Я ни о чём не жалею». Как говорят мои сыновья: «Пап, главное дело своей жизни ты сделал — построил забор вокруг озера».

Читателя может смутить эта новость, — отмечает Дао, — как и нас, современников Александра Фокса, смутил не столько сам проект, сколько его стоимость, равная десяти годовым бюджетам Коул-Тауна. Но...

— Когда это случилось, — вспоминает Фокс, — мы с Норой неделю обмывали это событие как что-то невероятно важное. Наши мальчики — разнояйцевые близнецы, которых мы за год до этого события взяли из детского дома, — разнесли свою комнату, а потом умчались на квадроциклах кататься по холмам и, как вы уже догадались, вернулись пешком. Слава богу, что живые.

Тогдашний глава Коул-Тауна Тимур на открытии забора обнял меня по-отечески и сказал вовсеуслышание: «Шурик, посмотри на своё детище!» — многотысячная толпа, и я вслед за всеми посмотрел направо и ничего там не увидел.

— Теперь мы перед тобой чисты, читатель, ты уже всё понял, — отмечает Ладо. — Речь идёт о заборе-невидимке, о котором ходили легенды и до сих пор рассказывают с придыханием разные истории.

— Но мы люди современные, — продолжал Тимур, — лишены предрассудков, мы просто сделаем шаг.

На видеоролике Тимур проходит КПП с розовой табличкой, на которой лишь одно слово: «8-Island», разворачивает камеру, и что мы видим... Вместо Коул-Тауна до самого горизонта тянется лазурный берег. Тимур опускает камеру вниз — чистейшая вода. В небе — нежнейшее утреннее солнце...

Не прошло и года, как лютым январём, когда Коул-Таун утопáл в сугробах, в десяти метрах от КПП в забор были вписаны золотые ворота, проходя через которые, ты оказывался в Shadowland, где времён года не существовало. Там был, говоря простым языком, вечный май...

Глава 1. Соня

— Соня, привет.

— Здравия желаю, товарищ генерал...

— Да брось ты это, мы же с тобой договорились.

— Я помню, Денис, но мне всё равно не по себе. Ты старше меня на два поколения.

— Что, так заметно?

— Не так чтобы очень, но заметно...

Лука подошёл к бару, извлёк бутылку Domaine de la Romanée-Conti и плеснул немного в бокал. Голограмма Сони задрожала — опять начались проблемы со связью.

— А ты так и скажи: «Денис, нам пора заканчивать, я молодая и красивая...»

— Прекрати, ты же знаешь, что я люблю тебя...

— Эх, девочка моя, Бог не дал мне детей, и я порой ловлю себя на мысли, что отношусь к тебе как к дочери...

— Не смей, слышишь! — сказала она яростно и заплакала.

— Прости. Кстати, форма тебе к лицу. Осваиваешься в новой должности главы правопорядка?

— Осваиваюсь.

— Что там стряслось опять, почему делегация из Страны восходящего солнца спешно покинула нас?

— Что сказать в двух-трёх предложениях? Опять братья Фокс — Леонид и Борис, или Лёлик и Болик, как они сами себя называют, — отличились. Запрягли в детскую прогулочную карету годовалых диких свиней из контактного зоопарка и катались по центру Коул-Тауна, нарушая все правила и приличия.

Лука рассмеялся.

— А у главы делегации недавно умер мини-пиг.

— Да уж, трагедия.

— Про Альберта слышно что-нибудь?

— Пока ничего. Ума не приложу, как можно было сбежать из самой охраняемой тюрьмы. Злата не находит себе места. А почему ты думаешь, что он именно здесь объявится?

— Чутьё... Прости, Бьянка звонит.

— Как всегда, не вовремя...

— Прекрати.

— Терпеть её не могу...

— Ты просто ревнуешь...

— Ты просто бесчувственный.

— Алло.

— Денис, я не вовремя?

— Да нет, всё нормально.

— Просто сегодня годовщина наших отношений. Может быть, посидим где-нибудь?

— Давай у меня в кабинете через час, я всё организую... Бьянка.

— Да, Денис.

— Я люблю тебя, — сказал он, борясь с удушьем от слёз и отчаяния.

Глава 2. Гектор

— Молодые люди, почему вы не в учебном заведении?

Робо-полицейский отсканировал Гектора, а затем и Стеллу.

— Существуют ограничения на времяпрепровождение лиц вашего возраста в Shadowland.

— Какое твоё дело, терминатор? Мне плевать на правила твоей планеты Железяка.

— Гектор, прекрати!

— Вы арестованы за оскорбление лиц правопорядка.

Гектор наносит молниеносный удар в лицо робо-полицейскому и срывается с места, крепко схватив ладонь Стеллы.

Они бегут узкими улочками, мимо торговых рядов со снадобьями. За ними гонится целая стая перьевых рыб-пираний, на стенах виснут русалки и эльфы, а стрекозы-тролли роятся над головами, курят свои трубки и пускают едкий дым прямо в глаза... Вдруг под ногами шумно захлюпало: шаг, другой — и они оказались по колено в вязком шоколадном болоте.

На телефоны их родителей мгновенно пришло детальное сообщение со всеми подробностями, видеозаписью, медицинским заключением и ордером на арест обоих. Решение суда присяжных последовало незамедлительно — приговорить Гектора и Стеллу к четырнадцати месяцам тюрьмы в Shadowland.

Сева в бешенстве кричит на Морену: разбаловала, вырастила неизвестно что, ни цели в жизни, ни дисциплины, только вечный ветер в голове...

— Я тебя тоже люблю. Думаю, мальчик не виноват, просто связался с этой куклой Стеллой. Сейчас позвоню Лейле, пусть вытаскивают Гектора как хотят.

— А не надо никуда звонить. Пусть посидит, может, ума наберётся.

Морена подошла и отвесила Севе хлёсткую пощёчину.

— Заткнись. Понял?

Лейла спешно набрала Луке.

— Денис, у тебя совещание? Наши дети попали в беду.

— Я в курсе. Дети, говоришь? Только ведут они себя как-то совсем не по-детски... Я говорю: держу этот вопрос на контроле. — Отключился.

Шоколад вокруг беглецов застыл монолитом. Гектор стоял в полной растерянности, Стелла беззвучно плакала. Сзади кто-то приближался — кто-то неторопливый и очень опасный. Однако Шварц не стал подвергать мучениям сладкую парочку. По его короткой команде сотня голодных белых крыс мгновенно набросилась на застывшую массу. Не прошло и получаса, как Гектор и Стелла уже сидели за столиком уютного пустого кафе. Шварц принёс два бокала с горячим шоколадным коктейлем и тарелку с пирожными. Гектор попытался поиграть в вежливость, но Шварц быстро привёл его в чувство.

— Благодарим вас за то, что...

— Не стоит благодарностей, Гектор. Вы теперь мои должники... Я заменил вам реальный срок на условный. Скоро одному человеку понадобится помощь в Коул-Тауне. Вы ему поможете. И ещё: если кому-то расскажете об этом разговоре и о том, что я вам открыл, условный срок тут же заменится на реальный. Это понятно?

Гектор и Стелла послушно кивнули. Шварц растворился в воздухе.

Глава 3. Нора

Вот так, милая моя, не дали помереть спокойно, — Нора посмотрела рыбе в глаза, — сказали, будешь хозяйкой острова. Еще мне этого не хватало. В моем возрасте, киса моя, — Нора поцеловала рыбу в рот. — Успеть бы добежать до туалета. Вот ты молчишь, все молчишь, рыбка моя, хоть сказала бы чего-нибудь ласкового. А в последнее время с Шуриком ну невыносимо стало жить, раньше он, прости Господи, болтал без умолку, но весело было, так мы наболтали с ним Лёлика и Болика, взяли, понимашь, двух выпердешей из детского дома. Это скажу я тебе: кино и немцы. Такие балагуры, каких я за всю жизнь не видела. Я их, конечно, Шурику сбагрила, когда разводились.

Рыба зашевелила ртом.

Вот видишь, я тебя уже шевелить ртом научила, скоро ты у меня заговоришь, кисонька, — она поцеловала рыбу. — А как было не развестись, я такого мужчину встретила — полный пепелац, как он говорил. Прилетел ради меня из другой планеты.

Нора замахнулась ножом, чтобы снести голову рыбе, но рыба посмотрела на Нору жалобно и взмолилась: не делай этого, Нора, лучше отпусти обратно в океан. Но было поздно — лезвие ножа, как лезвие гильотины, отсекло рыбе голову, голова покатилась по столешнице стола и свалилась на пол. Мурзик подбежал к голове рыбы, обнажив свои клыки, но голова закричала: «Ладо, проснись! Вернись на страницу выше!» У Норы затряслись пальцы рук.

Ладо проснулся, вернулся в сценарий на страницу выше.

Нора замахнулась ножом, чтобы снести голову рыбе, но рыба посмотрела на Нору жалобно и взмолилась: не делай этого, Нора, лучше отпусти обратно в океан. Нора в оцепенении швырнула рыбу в океан. Голова рыбы показалась на поверхности... Рыба сказала: «Век не забуду тебя и всем обитателям водной стихии расскажу о твоём добром сердце, Нора. Прощай!»

— Мяу! — попрощался с рыбой Мурзик, у него на глазах проступили слёзы.

Нора взяла его на руки и спросила:

— Ты тоже это слышал?

— Мяу, — сказал Мурзик.

— Ну всё, блять, бабка на старости лет с ума сошла.

На следующий день в кабинете у психиатра.

— Я на минутку, просто спросить.

— Спрашивайте. Как вас зовут?

— Ничего не надо записывать, просто ответьте: у меня одна знакомая с рыбой разговаривает...

— И-и?

— И-и?

— И что дальше?

— Что дальше... Это болезнь?

— Конечно.

— И что помогает от этой болезни?

— Только одно: ампутация головы.

Нора побежала, перебирая ножками на высоких каблуках, запуталась, упала, сломала ногу и потеряла сознание. А когда очнулась в отделении травматологии, испытала чистое счастье — лучше уж здесь, чем сойти с ума...

Глава 4. Некс

— Да что вы, меня будет допрашивать сама Маркиза де Помпадур? — Некс нагло ухмыльнулся.

— Некс, ты бы форточку широко не раскрывал свою, — мрачно отозвался конвоир.

— Да что вы, я только хотел подчеркнуть её красоту.

— Ты бы не о красоте её думал, а о сроке, который тебе светит.

— Можем поспорить, бро, никакого срока не будет.

— Откуда такая уверенность?

— Маркиза влюбится в меня, и мы будем вместе.

— Всё с тобой ясно... У тебя кукуха съехала.

— Ну здравствуй, герой-любовник, — произнесла устало вошедшая Соня.

— Здравствуйте! — скромно поздоровался Некс.

Она посмотрела на него с удивлением, затем опустила глаза в папку, в итоге закрыла её, закурила, глядя куда-то в пол, и процедила:

— Сознаваться будем?

— Будем.

— Я слушаю.

— Я чист перед тобой, ты это знаешь. Я не сделал ничего, что заслуживало бы такого наказания, как лишение свободы.

— Всё ясно, перерыв.

Она встала и быстро вышла из допросной. Тут же зашли два молодчика и хладнокровно избивали Некса до тех пор, пока он не отключился.

Через полчаса вошла Соня и, не глядя в глаза Нексу, пропела:

— Ну что, будем закругляться? Итог у нас неутешительный: сознаваться ты не торопишься, думая, что у тебя есть время. Но времени у тебя нет.

— Ты ошибаешься, — хрипло выдохнул Некс, сплёвывая кровь. — Это у тебя нет времени. Ты обречена. Ты гонишь от себя эти мысли, но ничего с собой поделать не можешь. Дни твои сочтены. Новообразования, на которые махнул рукой личный лечащий врач Луки, через полгода приведут к сильнейшим болям. Все будут удивлённо спрашивать, почему это случилось с тобой, а Лука будет среди первых... Поверь мне, через полгода ты вспомнишь обо мне, когда будет слишком поздно...

Соня замерла:

— Ты всё знаешь.

— Да, и это единственное моё преступление перед тобой.

— И что мне теперь делать?

— Вызови молодчиков, пусть доделают своё дело, а ты вернись к работе: карьера — главное, как ты пишешь в своём личном дневнике. Кинься в объятия Луки. Через полгода тебе будет не только Лука противен, всё живое будет противно.

— Я поняла... Прости меня, пожалуйста. Помоги мне.

— Я не врач, Соня, я — хакер. На мой взгляд, у тебя два пути. Первый путь — уволиться и рьяно заняться здоровьем; второй путь — стать тенью. Несколько лет назад я попал в автокатастрофу. Три года бесполезной терапии, ничего не помогло. Только когда я прошёл инициацию в Shadowland, мои проблемы ушли. Решать тебе.

Глава 5. Гектор

— Так, ещё чуть-чуть темп взвинтить, тарелки убрать... Чёрт, где тарелки убираются? Проще заново драмы переписать. Задолбало. Нужен ассистент, желательно не гуманоид. ИИ тоже не подойдёт, нужен робот типа Киры, но шестирукий. Древние индусы всё-таки что-то больше знали, чем то, что до нас дошло... Нужен шестирукий ассистент. А где такого взять? Кажется, я знаю, где... Набираю старого знакомого. Не дай бог связываться с такими, но деваться некуда: либо сегодня я открою Америку, либо никогда.

— Да, Гектор.

— Какой приторный голос, — подумал Гектор.

— Не без этого.

«Чёрт, он мысли читает», — похолодел парень.

— Говори же наконец, что ты хочешь! Да, я читаю мысли, ну и что... — выпалил с показным недовольством Шварц.

— Как мне к вам обращаться?

— О Господи, называй меня просто Шварц...

— Шварц, мне нужен шестирукий ассистент, желательно девушка до двадцати лет.

Шварц громко рассмеялся, но быстро пришёл в себя и с показной серьёзностью спросил:

— Для каких целей, молодой несовершеннолетний человек?

— Это не то, о чём вы подумали.

У Шварца случилась минутная истерика. Так весело ему давно не было...

— Прости, Гектор, но пойми, я связан по рукам и ногам этическими обязательствами и так далее, и тому подобное.

В дверь комнаты Гектора громко постучали.

— Гектор, солнышко, у тебя всё нормально? С кем ты там разговариваешь? Опять с этой намалёванной куклой Стеллой?

— Мам, я разговариваю с продюсером, у меня трек горит!

— Сынок, уже три часа ночи, тебе завтра рано вставать в школу, ты не проснёшься.

— Мам, пожалуйста, ещё пятнадцать минут.

— Хорошо, тогда потише...

— Окей, Шварц, вы здесь? Мне нужен шестирукий ассистент для сведения музыки в реальном времени.

— Ух ты, как интересно. Тебе нужна теневая шестирукая девушка?

— Да, что-то в этом роде.

— На кого она похожа?

— Да неважно...

— Говори.

— На Мэрилин Монро.

— Ух ты, на Злату?

— Да нет же, на Мэрилин Монро...

— Хорошо. Шестирукая Мэрилин Монро, девятнадцать-двадцать лет.

— Да.

— Семь миллионов триста...

— Ого... Чёрт, где взять деньги? Продать французский лонгплей отца? Убьёт...

— Ладно, дам тебе напрокат, свои люди, сочтёмся... Не забыл про наш прошлый уговор?

— Помню.

— Наслаждайся. Чур мне первому трек дашь послушать...

— Угу, спасибо, Шварц, век не забуду...

Она появилась внезапно. В пепельной дымке утра он увидел бесформенный огненный силуэт, который мгновенно материализовался в девушку потрясающей красоты. Это была та Мэрилин Монро, которую мир не помнит — на которой ещё нет толстого слоя грима, чьи губы просят Гектора что-нибудь выпить...

— Эй, ты глухой, что ли? В этом доме кто-нибудь нальёт мне шампанского?

— Пожалуйста, тише! Шампанское есть, но далеко. Кола подойдёт?

Одной парой рук она ловко извлекла из тайника, о котором знал только Гектор, дешёвые сигареты и прикурила. Другой парой рук нежно обняла его за талию.

— Здесь нельзя курить, что ты делаешь?

Вместо ответа она поцеловала его в губы. В комнату снова постучали. Третьей парой рук она мгновенно разблокировала и открыла дверь.

На пороге стоял сонный, раздражённый Сева.

Глава 6. Сева

Сонный и раздражённый Сева подъехал к дому в Pyatki Village, открыл калитку, прошёл до двери и постучал. В проёме показалась небритая голова Шурика. Он открыл дверь, Сева вошёл внутрь, и старые друзья крепко обнялись.

— Говоришь, практически не живёшь здесь?

— Так, наездами.

— А сыновья?

— Их не затащишь сюда, городские до мозга костей.

— Ну так что, сдашь дом под студию?

— Да, конечно! Чур я первый, кому ты пришлёшь свой новый трек.

— Да, конечно...

Калитка на улице скрипнула.

— Это сын с ассистентом.

— Ого, сто лет не видел Гектора. Наверное, вырос.

— Гектор, здравствуй.

— Дядя Саша, это мой ассистент.

— Да-да, а-а-уфф... О-очень приятно...

Когда Сева увидел в комнате сына шестирукую Мэрилин Монро, он впал в полный ступор: никогда в жизни он не попадал в столь абсурдную ситуацию. Но больше всего он испугался неминуемой реакции Морены. Сквозь ментальный туман Гектор знакомил его с шестирукой девушкой, которая была как две капли воды похожа на... И Сева, грозный отец, вдруг сказал далёким, не своим, писклявым от шока голосом:

— Тебе нужна нормальная студия и условия... Я знаю это место... Едем сейчас...

— Пап, а как же школа?

— Школа подождёт.

Так они и оказались здесь, у Шурика.

Шурик быстро пришёл в себя. Сначала предложил чаю, но в итоге открыл шампанское. ММ болтала без умолку, рассказывала о своём детстве в Лос-Анджелесе, хохотала над неловкими шутками Шурика и вовсю строила глазки Севе. Сева смущённо поглядывал на сына, который уткнулся в ноутбук и был бесконечно далёк от всего... Наконец Гектор закончил настройки и обратился к Мэрилин:

— Ну что, ты готова?

— К чему? — спросила ММ и весело рассмеялась...

— Смотри, вот эти кнопки и ползунки — твои. Просто погрузись в музыку, вспомни о своей первой любви и больше ни о чём не думай.

Гектор запустил грув и отправил его в свободное плавание. ММ обвила шестью руками микшерный пульт, и началось то, о чём потом скажут современники: это перевернуло всю музыкальную индустрию... Но самое главное случилось на восемнадцатой минуте: ММ внезапно заплакала. Но этот плач был подобен аутентичному, рвущему душу блюзу, в котором отразилась глубокая экзистенциальная боль, нашедшая свой дом в музыке.

— Пап, пой свою песню про Мэрилин.

— Я не могу без гитары.

— Пой.

На двадцать первой минуте глубокий голос Севы сначала утонул в вокализе ММ, а затем уверенно показался на поверхности:

Я хочу... не знать, что предсказано,
скорее забыть своё прошлое.
Плачет Мэрилин утром бархатным,
в тишине отеля крохотного.
Мне так нравится моё кино,
рафинированное и пошлое.
Её губы обнимают Lucky Strike,
эё тело соткано из похоти.
Я как роза в твоих грязных помыслах,
«Не целуй меня», — шепчет Мэрилин.
Я уродлива, а была красивая,
всё, что было во мне, — похерили.
А теперь безнадёжно раздетая,
пью игристое Piper-Heidsieck упоротая.
Я проснулась-таки, опоздавшая,
пропустившая свои похороны.

— Дядя Саша, вам слово.

На двадцать четвёртой минуте Шурик запустил плотное плетение декламации:

— Как ни странно, кого ни спроси, — скажут с удивлением: «Мэрилин Монро? Да что в ней такого? Ничего особенного: лишний вес, так, намалёванная кукла, как актриса — так себе...» Удивительно, но то же самое почти слово в слово говорили и при жизни Мэрилин Монро. Но в этом и кроется её главный секрет. Её магия — не в идеальных пропорциях или актёрском гении. Её магия — в уязвимости. Она стала зеркалом, в котором каждый видел не просто секс-символ, а отражение собственной тоски по любви и принятию. Она была одновременно и богиней, и «маленькой девочкой», которая боится быть покинутой. В эпоху, когда женщины должны были быть либо ангелами, либо демонами, она осмелилась быть человеком. Её тело было соткано не из похоти, как поётся в песене, а из боли, которую она превратила в свет. Она показала миру, что можно быть сломленной и при этом сиять ярче всех. Её образ притягателен именно потому, что он незавершён, он полон тайны и недосказанности. Она — вечное обещание счастья, которое всегда ускользает. Я благодарю тебя, Мэрилин Монро, за то, что ты есть в моей жизни. Нора?

На пороге комнаты стояла совершенно ошеломлённая Нора:

— Сначала говорящая рыба, теперь поющий осьминог... Что меня ждёт дальше?

Она бессильно села прямо на пол...

Глава 7

Альберт

— Хорошо, сколько ты хочешь, пучеглазый?

— Нора, обойдёмся без оскорблений. Сто двадцать три миллиона.

— Шварц, вы же мне объявили цену семь триста.

— Гектор, это цена за шестирукую девушку с лицом Мэрилин Монро.

А сейчас это звезда эфира. Давайте посмотрим хит-парад на Туманном Альбионе. Видите — первое место.

— Нет, ну я сейчас точно кого-то придушу!

— Руки не дотянутся, Нора, — рассмеялся Шварц. — Триста одиннадцать.

— Чего триста одиннадцать? Цена?! — Нора в ярости извлекла из сумочки тяжёлый «Глок» и в один миг спустила всю обойму прямо в экран ноутбука Гектора.

— Нора, это был мой ноутбук! — закричал Гектор.

— Ой, котик, бабушка увлеклась, — Нора виновато качнула головой. — Прости, позвоню-ка я лучше Луке.

Она быстро набрала номер:

— Денчик, привет, котик! А у меня беда, мою доченьку восьмирукую...

— Ше-сти-ру-ку-ю, — испуганно шепчет Гектор.

— Мою доченьку шестирукую Шварц похитил, требует выкуп триста мильёнов... Чего? Я говорю — её цена уже пятьсот миллионов, мы сейчас готовим заявление! Спасибо тебе, родной! Спрашиваешь, как дела на острове? Да какие там дела: то прилив, то отлив, то рыба говорящая, то осьминог... Ой, что-то я заболталась... Гектор, не плачь, вот тебе денежки на ноутбук, купи самый лучший, и вот ещё денежки, купи и бабушке точно такой же.

— А вам-то зачем?

— Песенки буду петь. Если б я раньше знала, как это выгодно, не побиралась бы всю жизнь.

По дороге Гектору внезапно позвонил Шварц.

— Ты готов исполнить то, что обещал?

— Да.

— Езжай на вокзал, там к тебе подойдёт человек в медицинской маске и скажет, что ему плохо. Вызови ему скорую. Когда скорая приедет, немедленно уезжай. Как понял?

— Всё понял.

Всё происходило в точности так, как описал Шварц. Но когда Гектор сел обратно в машину и увидел через зеркало заднего вида, как человек в маске ловким и точным движением вырубил сначала водителя скорой, а потом и врача, он будто очнулся от затянувшегося сна. До него наконец дошло, что он стал соучастником какого-то страшного преступления. Скорая с включенными мигалками с визгом промчалась мимо него и понеслась по узким улицам Коул-Тауна.

Гектор в панике набрал Нору.

— Так и знала! Ты потерял деньги? Нашёл деньги? Купил ноутбуки? А... у тебя отняли ноутбуки или деньги?

— Да дайте же мне сказать! — закричал Гектор.

— Да ты совсем берега попутал! Кричишь на меня? На свою шестиногую будешь кричать...

— Нора, я совершил что-то ужасное! Я помог преступнику, он сейчас едет на угнанной машине скорой помощи, пожалуйста, позвони кому-нибудь...

— Вот это да, сынок... натворил ты делов, — Нора мгновенно посерьёзнела и набрала Луке: — Лука, у нас беда.

— Подожди минуту, Нора, я делаю официальное заявление.

Лука сделал серьёзное лицо перед объективом камеры:

— А теперь по поводу последних событий в мире современной музыки. Вы все поняли, о чём я говорю и о ком я говорю. Мы просим всех участников этого эксперимента — пока только просим — немедленно прекратить эти эксперименты и обратить внимание на улучшение морального облика нашей молодёжи. Мы не запрещаем, мы гуманно рекомендуем быть на одной волне с жителями Коул-Тауна. У меня всё.

Лука отключил трансляцию и взял трубку:

— Чего тебе, Нора?

— Гектор кого-то убил, захватил скорую помощь, едет прямо к тебе.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

В этот самый момент из-за поворота с воем выскочила машина скорой помощи с мигалкой и на полной скорости умчалась по улице Карла Маркса в сторону озера.

Через полчаса из золотых ворот тихо вышел Альберт и добровольно сдался полиции. Соня молча написала заявление об увольнении, это был её последний допрос.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросила она, глядя на Альберта.

— Я стал убийцей случайно, — ответил он, глядя в стену. — И получил за этот необдуманный юношеский поступок пожизненный срок. Шварц выкрал меня из тюрьмы с одним условием — что я уберу Эмиля, друга моих родителей. Я недолго думал над этим предложением. Я убрал того, кого действительно надо было убрать — Шварца.

Глава 8. Матрёшка

Она вышла из уличного полумрака, словно сама эта подворотня исторгла её из своего чрева. Маленькая, хрупкая, с лицом фарфоровой куклы и взглядом, острым, как битое стекло.

Коул-Таун был сложен из грязи и воды. Люди в нём были твёрдыми снаружи и пластилиновыми внутри. А она была сбоем в матрице. Ошибкой в коде. Мужчины провожали её глазами, женщины завистливо поджимали губы. Она была ядовитой и сладкой смазкой для их скрежещущего, серого мира.

Она дошла до двери. Щёлкнул замок — сухой и окончательный, как выстрел. Тьма внутри мгновенно поглотила её силуэт, оставив на пороге лишь слабый запах дешёвых духов и обещание неминуемой беды.

Остров встретил её тишиной, которую нарушал лишь шёпот прибоя и крики чаек. Нора сидела в старом плетёном кресле на веранде, плотно закутавшись в плед, хотя вечер был тёплым. Перед ней на столике стоял древний ноутбук — подарок от «котика» Луки, который она так и не научилась толком включать. Но сегодня ей и не нужен был интернет. Ей нужно было выплеснуть то, что копилось годами, слой за слоем, подобно фигуркам в старой деревянной игрушке.

Она открыла новый документ. Курсор мигал, как маленькое, терпеливое сердце. И она начала писать.

Прекрасное время ДЛЯ-ТРИллера... когда ожидание чуда как МИР... стаРО... аморфные обыватели... не ведают, что ты рядом СПИШЬ в меТРО...

Воспоминание было не картинкой, а запахом — дешёвых духов, смешанных с озоновой свежестью надвигающейся грозы. Она стояла там, в той самой подворотне, и знала, что этот момент — точка невозврата. Каждый шаг, который она делала раньше, вёл её именно сюда, к этой двери, за которой не было ни спасения, ни покоя, а лишь новая, ещё более тёмная версия её самой. Она была не героиней, а катализатором хаоса, и город это отчётливо чувствовал.

Скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

Была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка.

В апартаментах кукольных... вселенная на прямой линии... бИтый гОд... проходят эпохи, всё тот же ЛИК... а то, что порою видишь — зЕРКАЛО врЁТ...

Годы спустя она поняла, что вселенная действительно была «на прямой линии», и эта линия вела прямиком в тупик. Все её «великие» любови были лишь попыткой согреться у костра, который сама же и разожгла. Мужчины были лишь зеркалами, в которых она пыталась разглядеть хоть что-то, кроме собственного отражения. Но зеркало, как она и пела, всегда врало, скрывая за гладкой поверхностью острые осколки её истерзанной души.

Скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

Была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка.

Куришь в постели... чувственно... наследница Атлантиды ГДЕ... твой свЕТа — был ли КТО в твоей жизни... да... и нет... а если и был — остЫЛ... ЕГО слЕД.

Наследница Атлантиды... Она тихо усмехнулась, вспоминая. Это был он. Тот, кто сравнил её с погибшей цивилизацией. Он был поэтом, или просто казался им. Его «свет» на деле оказался всего лишь вспышкой зажигалки в тёмном подъезде, а его след — мокрым пятном на простыне и горьким запахом чужого табака. Она искала того, кто сможет вынести её боль, а находила лишь тех, кто хотел добавить в эту чашу свою каплю яда.

Скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

Была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка.

Опять скакАло давление... преследовали аборигены СЕЯ стрАХ... вот бы исЩезнуть всем назло... и обрести покой... в НЕбесах.

Давление скакало не от погоды. Это город, этот живой, дышащий организм, пытался вытолкнуть её из себя, как инородное тело. Аборигены с их вечным страхом были правы — она несла беду. Но исчезнуть... исчезнуть означало бы признать поражение. Признать, что вся её жизнь была лишь ошибкой в коде этого проклятого города. Нет. Она останется. Будет сидеть на своём острове и ждать. Чего? Она и сама толком не знала. Может, того момента, когда боль наконец обретёт форму и станет песней.

Скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

Была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка.

Она решительно нажала «Сохранить». Файл назывался «Матрёшка.doc». Нора закрыла ноутбук и долго смотрела на тёмный, застывший экран.

В это же время, за тысячи миль отсюда, в студии Шурика, Гектор сводил новый трек. Он надел наушники и включил запись вокала. Это была не ММ. Это был сэмпл. Он случайно нашёл его в старой, забытой базе данных Коул-Тауна — архив аудиодневников. Женский голос. Хриплый, надломленный, но полный такой яростной внутренней силы, что у Гектора мгновенно побежали мурашки по спине.

Он перемотал запись на самое начало.

Прекрасное время ДЛЯ-ТРИллера... когда ожидание чуда как МИР... стаРО...

Гектор резко остановил трек. Он увеличил громкость в микшере до максимума и закрыл глаза. Он не знал, кто эта женщина. Но он чувствовал: в этом голосе было больше правды, чем во всех хит-парадах Shadowland, вместе взятых. Он нашёл свой новый сэмпл. Он нашёл свою новую музу.

Гектор, дрожащими от волнения пальцами, начал быстро искать метаданные файла. Кто? Когда? Откуда это сокровище вообще попало в архив? Его взгляд лихорадочно бегал по техническим строчкам, пока не наткнулся на имя автора, прописанное в свойствах документа.

Автор: Нора.

Мир вокруг мгновенно замер. Стены студии, мерцание мониторов, даже звук в наушниках — всё исчезло. В ушах стоял только тяжёлый шум собственной крови.

Нора.

Не просто имя из старых баек и легенд, которые он слышал в детстве. Не просто «та самая» Нора — призрак далёкого прошлого. Женщина, чьё имя в Коул-Тауне всегда произносили с придыханием или страхом. Женщина, которая, как он думал, давно жила где-то на

своём далёком острове, в полном одиночестве и безумии. А она, оказывается, всё это время... пела? Писала? Чувствовала?

Глава 9. Ной

— Кто ты, чудовище морское?

— Нора, опусти берданку, я Ной. Слышала обо мне?

— А я Нора, ты слышал обо мне?

— Конечно, я поэтому и обращаюсь к тебе по имени. Вопрос о том, знаешь ли ты меня?

— Товарищ, какой же ты всё-таки нудный... эх, не хотела тебя убивать, но, видимо, придётся...

— Нора, Нора, постой, не убивай меня, я тебе ещё пригожусь. Хочешь, я расскажу тебе главную тайну острова?

— Не цыган, случайно?

— Да нет, что ты, я — Ной. Я старожил острова. Я не помню себя вне острова.

— Родился, что ли, здесь?

— Заметь, не я, а ты это сказала: родилась... Здесь никто никогда не рождался, это такое место...

— Слушай, Ной, ты влюбился, что ли? — улыбнулась она беззубым ртом. — Ой, забыла зубные протезы надеть. Чё ты подкатываешь ко мне, чё тебе надо? Слушай, почему здесь алкомаркетов нету? Вот она — тайна тайн. У тебя выпить есть что-нибудь?

— У меня настойки есть, наливки разные.

— Настойки, наливки... несерьёзный ты человек, Ной. Ну пошли, покажешь мне своё логово, чудовище... Так, так... Кто-то звонит... Какая-то Соня, ты знаешь Соню? Вот и я не... Соня, солнышко моё, так рада тебя слышать. Какую песню? Мою песню крутят целый день по радио, ты слышал, Ной? Я теперь миллионерша, — Нора прослезилась. — Вот видишь, Ной. Да, Соня, приехать хочешь? Конечно, бери такси и ко мне, и ещё купи мне ящик вискаря, я заплачу. Можно не одна, а с кем? С Нексом? Нет, с ним не надо... А кто это? Имя подозрительное. Ной, ты знаешь Некса? Хакер... Нет, хакера нам не надо. Хотя нет, пусть приезжает, пострижёт меня. А, он не парикмахер, а хакер, на хер, я запуталась тут с вами, приезжай скорее, трубы горят...

Соня с порога бросилась на шею Норе и горько расплакалась. Нора понимающе увела её к себе на яхту. Некс и Ной остались на берегу вдвоём.

— Ну что у нас новенького, Некс? — спросил Ной, неторопливо разливая в пластиковые стаканчики что-то густое и тёмное, похожее на кофе.

— Что это? — Некс подозрительно принюхался.

— Крафтовый напиток из сгоревших водорослей.

— Ого...

В этот момент из каюты вернулись Нора и заплаканная, бледная Соня.

— Послушай, как тебя там, Ватсон, о господи, Ной... Ну-ка колись, котик, ты говорил, тайна здесь какая-то есть, уж не про колесо времени ты говорил?

— О-о, хорошо, что ты мне напомнила, и это тоже...

— Ты мне не окай тут, — она выпила залпом то, что налил в стаканчики Ной. — Бля, что это?

— Напиток из водорослей.

— Ты б ещё туда русалок натолкал... Какая гадость, вы вискарь привезли? Плесните рюмку бабушке, а то меня сейчас Кондратий хватит. Ну что, колдун, колись про колесо.

— Нора, пусть Некс поделится своими идеями, — тихо сказала Соня.

— Давай, поделись...

— У Сони рак, ей двадцать лет, — глухо заговорил Некс. — Мы находим колесо времени и откатываем время года на два-три назад. Тело Сони возвращается в состояние, когда ей было семнадцать лет...

Ной надолго задумался, глядя на воду.

— Вы понимаете, Соня — это частный случай, а последствия такого шага могут быть глобальными для всех нас... У меня есть совсем другое предложение. Соня поселяется на острове в долине красного мха. Там вообще никто никогда не болеет и не умирает. Там другая беда — дети не растут...

— А если детям переехать в Коул-Таун? — спросил Некс.

— Боятся...

— Ну как тебе, солнышко, такой вариант, а? — спросила Нора Соню.

— Конечно, меня такой вариант вполне устроил бы...

— А может, и мне туда? — пропела Нора. — А что, где наша не пропадала? Ну что мы всё сидим и сидим, сидим и сидим? Ной, котик, наливай...

Глава 10. Дана

Я опять возвращаюсь в этот город. Где бы я ни была, Коул-Таун всегда со мной. Я бы даже сказала — во мне, как внутренний цензор, как гангстер, взявший меня в заложники.

Что это за цирк? Возле озера толпа народа. Подходят по одному и исчезают. Что бы это значило: акт массового утопления?.. Ожило радио Коул-Тауна: седьмую неделю подряд на первом месте держится песня «Матрёшка», автор песни — Нора. Лимузин занесло, я чуть не съехала в кювет. Вышла из машины, закурила. Сзади остановилась древняя, но хорошо сохранившаяся Audi. Вышел парень. «Где-то я его видела», — подумала я. Чёрт возьми, я знаю его. Платон. Он подошёл ко мне — гадкий утёнок, превратившийся в прекрасного лебедя, возмужавший, маскулинный, желанный — и опустошил меня фразой: «Здравствуйте, тётя Дана, с вами всё хорошо?»

Я ответила, с недовольством посмотрев ему в глаза:

— И я тоже рада тебя видеть, Платон.

Он заметно смутился. Ты меня так обидел... Это бы сказала любая женщина, девушка, девочка... Когда с виду молодой мужчина, вроде тебя — красавец, о котором грезят бессонными тоскливыми ночами, — вдруг говорит: «Здравствуйте, тётя, с вами всё в порядке...»

— Или я так постарела?

— Нет.

— Подурнела?

— Нет.

— Выгляжу вдвое старше тебя?

— Нет.

— Ты куда-то торопишься?

— Нет.

— Ты поможешь мне устроиться в отеле?

— Да.

— Поможешь перенести в номер тяжёлые чемоданы?

— Да.

— Перегонишь мой лимузин в автомастерскую?

— Да.

— Угостишь меня ужином?

— Да.

— Что ж, я надеюсь, Платон, ты сегодня заслужишь моё прощение. Езжай впереди, а я покорно поеду за тобой...

Это была неистовая, дикая, неповторимая ночь любви — так я её вспоминаю. Мальчик, выросший вдали от цивилизации, в деревне Якутово, окружённой болотами, до двадцати лет не имевший никакого сексуального опыта, на моих глазах, после нескольких сладких изнурительных часов посвящения в мужчину, превратился в благородного льва — царя зверей, но в моём случае — во властителя моего тела. Господи, как же он хорош, но я никогда не скажу ему об этом.

— Платоша, милый, передай мне сигареты, пожалуйста... Ты жалеешь о том, что с нами случилось?

— Я люблю тебя, я не могу жить без тебя...

— Ах, мой мальчик, — я глажу его волосы, — чтобы любить меня, надо быть сильным мужчиной. Ты готов к этому?

— Готов.

— Очень сильным мужчиной...

Глава 11. Стелла

— Ты что, обиделась на меня?

— Да кто ты такой, чтобы обижаться на тебя или не обижаться? Что ты возомнил о себе? Иди к своей этой шестирукой...

— Обиделась. Стелла, я клянусь тебе, что у меня ничего с ней не было. Всё, что мы вместе с ММ делали, всё происходило в присутствии дяди Саши Фокса, моего отца, а также Норы... Сейчас у неё уже своя карьера, никак не связанная со мной.

— Ладно, проехали. И что ты собираешься дальше делать?

— У меня есть идеи заняться исследованием блюза, погрузиться в саму древность...

— Понятно, для меня у тебя опять не будет времени.

— Да что ты, Стелла! Ты как раз первая, с кем я об этом говорю.

— Да что ты, Гектор! А когда ты будешь продвигать меня? Хочешь, отвечу — никогда. Какая я была дура, что поверила тебе.

— Продвигать тебя? Мы никогда об этом не говорили. Ты что, поешь? У тебя есть песни?

— Да, Ghost-представь себе, Гектор, я пою... Всё, ты задел меня за живое...

— Прекрати, Стелла... Алло, Стелла, ты плачешь?

— Да ладно, Гектор, прости, что всё это высказала... Не буду тебе мешать, больше мы не увидимся.

— Стелла, нет. Нет и ещё раз нет. Так не должно быть. Не отключайся... Стелла...

— Чего тебе?

— Я всё бросаю и занимаюсь только тобой. Выкладывай мне свои песни.

— А вот началось.

— Что началось?

— Обвинения.

— Да нет никаких обвинений.

— Но они подразумеваются... потому что песен пока нет, ты их не написал для меня, я для тебя пустое место.

— А что, я должен был написать песни для тебя?

— Представь себе, да. Ах, извини, что сказала тебе об этом, ну ладно, не буду тебя отвлекать...

— Подожди, не бросай трубку. Хорошо, я напишу для тебя блок из пяти песен. В каком стиле ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ну не знаю, сделай в таком стиле, чтобы все мальчики нашей шкалы, когда услышат эти песни, влюбятся в меня, а девочки — будут рвать волосы....

— Стелла, это так не работает, нужен конкретный запрос, какой будет стиль...

— Ах, извини, не буду тебе мешать...

— Стелла, я серьёзно спрашиваю.

— Ну ладно, пусть это будет блюз...

— Блюз? А разве ты умеешь петь блюз?

— Нет, но ты ведь меня научишь.

— Понимаешь, блюз — это...

— Что, «блюз — это»? Ты не хочешь, чтобы я пела блюз?

— Хочу.

На следующий день Радио Коул-Тауна взорвала песня «Гектор и Стелла». Песня в течение нескольких часов возглавила хит-парад, продержалась восемь недель и с тех пор не опускалась ниже пятого места...

«Гектор и Стелла»

— Ты что, обиделась на меня? — спросил Гектор.

— Да кто ты такой, чтобы обижаться на тебя или не обижаться, что ты возомнил о себе.

— У меня есть идеи заняться исследованием блюза, погрузиться в саму древность.

— Понятно, для меня у тебя опять не будет времени.

— Да что ты, Стелла, ты как раз первая, с кем я об этом говорю.

— А когда ты будешь продвигать меня?

— Продвигать тебя, мы никогда об этом не говорили, ты что, поешь, у тебя есть песни?

— Да, представь себе, Гектор, я пою, ты задел меня за живое.

— Прекрати, Стелла, алло, Стелла, ты плачешь?

— Да ладно, Гектор, прости, что всё это высказала, не буду тебе мешать, больше мы не увидимся.

— Стелла, нет, нет и ещё раз нет, так не должно быть, не отключайся, Стелла.

— Чего тебе?

— Я всё бросаю и занимаюсь только тобой, выкладывай мне свои песни.

— А вот началось.

— Что началось?

— Обвинения.

— Да нет никаких обвинений.

— Песен пока нет, ты их не написал для меня, я для тебя пустое место.

— А что, я должен был написать песни для тебя?

— Представь себе, да, ах, извини, что сказала тебе об этом, ну ладно, не буду тебя отвлекать.

— Подожди, не бросай трубку, хорошо, я напишу для тебя песню.

— Ну ладно, пусть это будет блюз.

— Блюз...

Белый блюз — это не просто музыкальное направление, а честная попытка диалога с чужой болью, попытка понять и выразить то, что, казалось бы, лежит за пределами собственного опыта. Возникнув из любви и глубокого уважения к афроамериканской дельта-культуре, он стал уникальным феноменом, где северная меланхолия встретилась с южным надрывом. Артисты, его исполняющие, не пытались копировать — они пропускали блюз через собственные культурные и личные фильтры, создавая нечто новое. Это музыка городских окраин, холодного моря и внутреннего одиночества, где вместо зноя хлопковых полей — неоновый свет мегаполиса. Это музыка, которая говорит о главном: о любви, потере и поиске смысла в несовершенном мире. В итоге белый блюз не заменил оригинал, а лишь расширил его границы, став отдельным и очень важным явлением мировой культуры.

Реакция Стеллы была сложной, многогранной и абсолютно ключевой для её характера. Она не была просто «счастлива». Это было бы слишком просто.

Сначала она не поверила: «Это что, про нас? Серьёзно?» Она услышала этот диалог, свои обиды, свои слова, положенные на музыку. Это было так, как если бы она увидела себя в зеркале, которое показывает не внешность, а саму душу. Она была совершенно ошеломлена тем, как точно Гектор уловил каждую интонацию их ссоры.

Затем пришло осознание: «Это настоящий хит». «Гектор и Стелла» — в самом топе радио. Её имя — рядом с его. Вся школа это слышала. Все те девочки, которые, как она думала, будут «рвать волосы», теперь заворожённо слушают её историю. Её эго получило огромный заряд силы. Она стала не просто «девушкой Гектора», а Стеллой — той, о ком поют. Это оправдало все её претензии. Она была права, когда говорила, что он должен её продвигать. Он не просто продвинул её — он сделал её легендой.

Она осталась наедине с песней. И поняла, что эта песня — вечный памятник их любви и боли. Это не просто трек. Это их живая история, намертво застывшая во времени. Она слушала строчку «А что, я должен был написать песни для тебя?» и понимала, что теперь ответ — «Да, должен был» — навсегда известен всему Коул-Тауну. Это был момент одновременно огромной нежности и огромной грусти. Их личная, интимная ссора стала достоянием общественности.

Когда они встретились, Стелла подошла к Гектору, не говоря ни слова, крепко обняла его и тихо заплакала. Не от обиды, а от того, насколько это красиво и больно одновременно.

Эта песня стала их общим секретом и их общей славой. Она поняла, что он действительно «всё бросил» ради неё, но никогда никому не скажет об этом. И это молчание будет стоить дороже любых слов.

Глава 12. Грей

«Уже около двух недель Альберт не выходил из запоя. Он лишь сделал паузу на несколько часов, навестив Злату и Инока», — из секретного доклада Грея Луке.

Злата бросилась ему на шею и забылась на несколько минут, полностью отдавшись чувствам и слезам. Казалось, что-то человеческое проснулось в нём: расставаясь, он крепко обнял мать, а потом Инока, но уже садясь в свой лимузин, все мысли его были устремлены обратно в Shadowland.

В дверь бунгало громко постучали.

— Да, да, входите! — весело крикнул Альберт.

На пороге стоял Грей.

— О-о, Monseigneur, с чем на этот раз пожаловали?

— Твой запой затянулся, ты должен немедленно остановиться, иначе...

— Иначе что, меня опять упекут на кичу?

— Нечто пострашнее: ты окончательно потеряешь себя...

— Ох-ох-ох, как страшно... Скажи мне, ты кто вообще такой? «Я Чапаев! А ты? Ну кто ты такой?!»

— Ладно, по крайней мере я предупредил тебя, — Грей мрачно вышел из бунгало.

Десятки теневых путан мгновенно обступили его на крыльце, не давая сделать и шага. Грей крепко выругался, и путаны с визгом бросились врассыпную в разные стороны...

Shadowland как идея постепенно приходил в полный упадок. Все яркие личности давно покинули его пределы. Разношёрстные робо-существа без необходимого технического обслуживания постепенно загибались, гибриды и прочие мутанты, умирая, уходили в иные измерения, так и не оставляя потомства. Тени, которым когда-то предрекали великое будущее не только в Shadowland, но и в Коул-Тауне, безцельно разбрелись по свету и гибли сотнями в мелких междоусобных войнах и от неизвестных болезней.

Лука неофициально поставил Грею жёсткую задачу — провести полный аудит Shadowland. Цель была одна — закрыть этот проект под громким лозунгом объединения с Коул-Тауном. Но Лука не хотел рисковать. Если так называемое объединение окажется убыточным, надо будет срочно прибегнуть к варианту «Б», которого пока попросту не существо-

вало в природе. В отличие от Шварца, Альберт никуда не лез, вёл праздный образ жизни и никак не должен был стать препятствием для осуществления плана Луки — так, по крайней мере, казалось со стороны.

Но пока Альберт навещал своих близких, Грей провёл тайный обыск в его бунгало с помощью робо-пчёл-невидимок. Результаты его сильно удивили: в доме царила идеальная чистота, никаких признаков деградации, алкоголь в баре оказался нетронутым, запрещённые вещества также не были обнаружены. Он доложил об этом наверх, но ответа от Луки пока не последовало.

Напряжение нарастало. Тайный аудит ничего не дал. Грей сидел озадаченный на берегу туманного озера с удочкой в руках, но перьевая рыба категорически не клевала.

— Ты на что ловишь? — раздался сзади голос Альберта.

Грей обернулся: в метрах десяти стоял Альберт и два незнакомца в чёрных спортивных костюмах.

— На никотин, как обычно, — ответил Грей.

— Никотин больше не канает. Природу Shadowland полностью переформатировали. Вот, познакомься с робо-айтишниками: Сидом и Андреем. Попробуй лучше на прополис.

— На прополис? А где я его возьму?

— Делаешь так, — Альберт чётко произнёс слово: — Запрос.

Перед глазами Грея мгновенно появилось светящееся меню. Альберт продолжил:

— Поиск. Прополис. Десять граммов.

В воздухе с сухим щелчком материализовался прозрачный пакет с прополисом. Грей, постепенно приходя в себя от шока, спросил:

— Что значит «природу переформатировали»?

— Мой аналитический отдел вовремя увидел серьёзную внешнюю угрозу, — веско заговорил Альберт. — Речь идёт о полной потере суверенитета Shadowland. На счастье, Darkland вовремя протянул нам руку помощи. Мы с ребятами решили полностью изменить Shadowland. Превратить его в столицу New Age. Таким образом мы привлечём крупных инвесторов, которым мы официально доверим охрану Shadowland.

Грей не на шутку заволновался:

— Что-то нехорошо мне... Я, пожалуй, пойду домой...

Дома у него и впрямь реально разболелась голова. Грей сел на диван и растерянно произнёс слово:

— Запрос.

Перед глазами тут же возникло системное меню. Грей продолжил:

— Поиск. Средство от головной боли.

То, что через секунду материализовалось прямо на журнальном столике, повергло его в абсолютный шок: это была запотевшая бутылка водки.

Глава 13. Лука

— Товарищи! Граждане! Братья и сёстры!..

Лука в застывшем оцепенении слушал историческую речь Сталина из динамика... Надо что-то делать. Надо как-то срочно ответить на этот вызов.

Он лихорадочно отдал приказ за приказом. Несколько раз созванивался с Греем, в итоге вызвал того на ковёр и теперь обрушивал на подчинённого яростный поток обвинений:

— Ты упустил нить! Дурил меня, не оправдал моего доверия, поставил под прямой удар само существование Коул-Тауна... Почему я вообще впервые слышу о каком-то Darkland? А может быть, есть ещё кто-то или что-то, чего я до сих пор не знаю?! Читаю отчёты наружного наблюдения за тобой, и у меня последние волосы на голове становятся дыбом: Грей удит рыбу на туманном озере... Грей на озере! Грей ловит рыбу! Ты что творишь?! Тебе доверили такое задание! Какое, к чёрту, озеро? Какая рыба?!

Грей молча выслушал разнос и спешно отправился обратно в Shadowland с новыми, жёсткими инструкциями. Лука тут же набрал Нору. Той явно нездоровилось.

— ...и вот ты представляешь, Нора, этот выродок, этот Альберт заключил официальный мирный договор с Darkland.

— Кто это, котик? — хрипло отозвалась Нора.

— Мы сами пока ещё толком не знаем. Какие-то нелюди...

— О Господи, куда мир катится? — Нора вздохнула. — А может, нам этого... как его... ну, этого Альберта, может, нам его того... чик — и всё?

— Не знаю, не знаю. Какие силы теперь за ним стоят?

— Слушай, Денчик, котик, тут недавно Дана вернулась в Коул-Таун. Может, она как-то связана с Альбертом? От неё в этой жизни всё можно ожидать.

— Ладно. Установим за ней плотное наблюдение.

Через полчаса в кабинет тихо вошла Соня.

— Денис, я уезжаю.

— Я знаю, — Лука даже не поднял головы от бумаг.

— Это всё, что ты мне скажешь?

Лука тяжело вздохнул и посмотрел на неё:

— Ну что я могу сказать? Я, конечно же, искренне сожалею, что так получилось, Соня. Эта твоя внезапная болезнь... Этот Альберт... Shadowland... Всё как-то навалилось сразу. Ты куда? Ты плачешь? Ты уходишь?.. Если понадобится какая-то помощь — звони.

Вдруг с улицы послышался дикий рёв моторов. Лука, грубо нарушая протокол личной безопасности, быстро подошёл к панорамному окну.

На правительственную площадь на мотоциклах без глушителей с грохотом выехали Лёлик и Болик. К их байкам были привязаны большие чёрные флаги. На одном флаге корявым почерком было выведено: «Shadowland», на другом — «Svoboda». Мгновенно послышалась суматошная стрельба — личная охрана Луки открыла огонь по колёсам. Мотоциклы с визгом свалились на асфальт, но братья со смехом и победным улюлюканьем ловко скрылись с площади.

Лука яростно вызвал секретаря:

— Оповестите все СМИ! Я немедленно выступлю со срочным заявлением.

Прошло около часа.

Лука произнёс перед камерами мощную, чувственную речь, в самом финале которой торжественно прозвучала фраза: «Полное объединение Коул-Тауна и Shadowland!» Но уже позже выяснилось, что ровно за полчаса до официального заявления Луки произошло молниеносное слияние Shadowland и Darkland в единый Ghostland. В свою очередь, и Shadowland, и Darkland навсегда прекратили своё существование в прежнем виде. Правителем нового теневого образования Ghostland стал загадочный Эбен, первой леди — Дана, военным советником — возмужавший Платон, а Альберт занял скромную, но безопасную должность министра по развитию туризма.

Глава 14. Некс

— Ой, не знаю, не знаю, Дао. Всё как-то закрутилось, завертелось само собой. Чем всё это закончится?

— Ты о чём, Ладо?

— Я о заборе, который в верхах всё никак не могут утвердить.

— А, забор-невидимка? Как думаешь, утвердят в итоге?

— Вряд ли. Формально глава Коул-Тауна — Тимур, но он уже далеко не тот, что прежде. А ему сейчас открыто противостоит целая армия его собственных заместителей во главе с Лукой...

— Котик, как там Соня, как её встретили?

— Хорошо, нам предложили недорогое бунгало рядом с ручьём. Это ничего, что я говорю: «нам»? Я люблю Соню, у меня самые серьёзные намерения.

— Что ты, котик, как я могу быть против?

Нора подошла и обняла уже бездыханное тело Некса. Пуля, предназначавшаяся ей, вошла точно в висок Некса и мгновенно закончила его короткий земной путь. Нора пригнулась, как кошка, ловко вылезла из-под старой шинели, проползла к штурвалу и резко рванула рычаг скорости на себя. Яхта вздрогнула и на бешеной скорости полетела под свистящими пулями прямо над волнами.

Нора врубила рацию, прекрасно зная, что частота прослушивается всеми спецслужбами:

— Лука, привет, котик! Меня только что хотели убить. У меня огромная просьба к тебе: не трогай Эбена, оставь его мне, пожалуйста, век тебе буду благодарна. Эбен, ты там не заскучал?! Ты знаешь, я тебе всё прощаю, даже эту войнушку, которую ты, не зная зачем, устроил — прощаю. Но Некса, сучонок, я тебе никогда не прощу! Дана, держись от своего королевича подальше. Гнев мой будет посильнее пуль, которые лишили жизни мальчика моего, Некса.

— Нора, это Соня! Я всё слышала... Некса больше нет?

— Его последние слова были о том, Соня, что он любит тебя. А сейчас прости, девочка моя, я ненадолго выйду подышать...

Нора выключила рацию и наконец полностью отдалась чувствам. Слёзы удушающей волной хлынули из глаз, а из самого горла языками яростного пламени вырывалось страшное, звериное рычание...

На пороге кабинета Луки внезапно появился Эмиль.

— Эмиль, я же ясно сказал — я сегодня никого не принимаю! — рявкнул Лука.

— Ты обязан меня выслушать.

— Нет!

— Раньше ты таким не был...

— Вон отсюда! Охрана, кто его пустил?! Я спрашиваю, кто пустил?! Начальника охраны ко мне! Под трибунал у меня пойдёшь!

Эмиля мгновенно скрутили подоспевшие конвоиры и жестко поволокли по длинному коридору. Он успел крикнуть:

— Я флешку оставил возле двери, она всё решит! — и тут же получил серию сокрушительных ударов по лицу.

Лука медленно подошёл к массивной двери. На полу действительно лежала маленькая флешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.